

характер Rabelais. Вы видите, с одной стороны, человека, стоящего совсем на иной почве, чем средневековые писатели. Он глубоко знаком с писателями классическими и с древностью в обширном значении этого слова. Он знаком не только с поэтами, ораторами, историками, он знаком с древними натуралистами, он медик, он богослов. У него чрезвычайно ясный и верный взгляд на многие стороны жизни, например на воспитание; доселе немногие так ясно сознали задачу воспитания, как выразил ее он, рассказывая о воспитании своего героя. Но за этой серьезной стороной скрывается другая, не только насмешливая, но, можно сказать, исполненная презрения ко всему существующему. Он проводит пред читателем не только современные события и произведения, но самые понятия современные и глубоко смеется над ними. В смехе его есть что-то циническое, злобное; для него не было ничего святого. От того-то таковы были отношения его к современным ему партиям: он был равно ненавистен католикам и протестантам. Можно наверное предположить, что он неизбежно пал бы их жертвой, в особенности жертвой католических преследований, несмотря на весь свой индифферентизм, если бы его не поддержали король и даже папа, уважавшие в нем гениальность. Это одно покровительство дало ему возможность умереть спокойно священником в Медоне<sup>7</sup>.

Что эти античные идеи имели влияние не на одну только форму литературных произведений, что они порывались вырваться и проникнуть в жизнь и действие, видно из следующего события. Тотчас после смерти короля в Гиэни началось восстание [из] за огромных поборо[ов] с жителей края: народ избил королевских сборщиков, но после первого взрыва, оамятававшись, испугался своего поступка, смирился и выдал зачинщиков, которые были казнены; одним словом, край снова успокоился. Но Генрих II не был этим удовлетворен. Он послал туда маршала Монморанси, того самого, который выжег весь Прованс во время войны с Карлом V. Он был известен своей жестокостью: но поступки его превзошли общее ожидание. Тысячами казнил он людей, участвовавших сколько-нибудь в восстании, и если не участвовавших, то не сопротивлявшихся восстанию. Казни были ужасны: людей четвертовали, привязывали к колоколам вместо языков и звонили ими, одним словом, Монморанси показал здесь большую изобретательность. Но реакция не замедлила показаться в умах: под впечатлением этого страшного события 20-летний юноша из Бордо Стефан ла Босси \* написал книгу *La servitude volontaire*<sup>8</sup>, всю проникнутую античными понятиями о государстве. Эти понятия, конечно, были неприложимы, по тем не менее то был крик глубоко оскорбленной души, поверявший тогдашний порядок вещей другими идеалами, заимствованными из древности.

Таково было состояние Франции в эпоху, когда на престол вступил Генрих II. Ему было уже 29 лет; он был храбрый и добродуш-

\* Et. la Boétie.